

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ТРАДИЦИОННОЙ КАРТИНЫ МИРА ЗАПОРОЖСКОГО КАЗАЧЕСТВА

Более глубокое проникновение в прошлое связано, в частности, с необходимостью разработки философской методологии применительно к реконструкции традиционной картины мира того или иного народа в конкретный период его исторического развития. На основе авторской философской концепции предлагается анализ традиционного мировоззренческого (в данном случае, более узко, психологического) аспекта картины мира запорожского казачества.

Картина мира в своей историчности представляется целостной гармоничной временной моделью в неразрывном взаимодействии ее внутренних и внешних составляющих, которая регулирует направленность и активную включенность индивида, его сознания и деятельности по отношению к практическому освоению окружающей действительности, в соответствии с традициями, функционирующими в обществе, к которому он принадлежит или с которым себя идентифицирует.

Под традицией мы понимаем обобщенные, относительно устойчивые, регулярно и долговременно повторяющиеся, общепринятые и общезначимые способы, формы и результаты практической деятельности материального и духовного порядка, необходимые для обеспечения воспроизводства и развития социума. Здесь учитывается роль репродуктивной деятельности как в созидании первоначальных базовых условий стабильности и порядка в саморазвитии общества в целях адаптации к объективной реальности, так и в ее познании посредством освоения и преобразования. В традиции, как правило, предлагается комплексная обобщенная направленность

коллективной деятельности, сочетающая состояния устойчивости и вариативности, постоянного длительного во временном промежутке повторения, изложенная в адекватно воспринимаемых и понимаемых семантических системах (язык и невербальные действия, умения, навыки), общезначимая в ценностно - нормативном плане и удовлетворяющая потребности общества в самосохранении и континуитетном, последовательном и преемственном развитии, исходя из существующих объективных условий его бытия.

Традиции наиболее ярко отражаются на уровне **индивидуальной и общественной психологии** как направленности поведения, системы духовных ценностей и общепринятых норм взаимодействия в социуме, в форме идеалов и образной символики, носящей эмоционально поддерживающий характер. Очень сложно реконструировать особенности общественной психологии конкретного исторического периода с позиции извне, т.к. многие явления и представления прошлого, объединенные в гармоничную систему картины мира со своими специфическими причинно-следственными связями, с точки зрения современности кажутся противоречивыми и нелогичными. В этом контексте запорожское казачество соответствует общим закономерностям эпохи позднего средневековья: в достаточной мере изолированности при преобладании внутригрупповой сплоченности профессиональной военной организации, в противопоставлении устойчивых стереотипов поведения в системе “мы” и “они”, религиозной окраске военной деятельности, подчинении Богу и харизматическому лидеру. Дуальный характер общественной психологии “хорошее – плохое”, “позитивное – негативное” также является следствием оценочного взгляда исследователя, воспринимающего все через призму другой мировоззренческой и этической системы.

Остановимся на нескольких аспектах традиций запорожского казачества. Военная направленность деятельности запорожского казачества обуславливала основные требования, предъявляемые к личности и общности, на базе которых и вырабатывались индивидуальные и коллективные черты

характера. Военными качествами, ценимыми казаками, были физическая выносливость, сила, мужество, храбрость, отвага, военная смекалка, хитрость, ум, изобретательность, дисциплинированность – строгое подчинение военному руководству; жестокость, вероломность, немилосердность, беспощадность по отношению к врагам, пренебрежительное, равнодушное отношение к смерти.

Из военных характеристик, естественно, и вырастают и ценностные идеалы, традиционные для запорожского казачества, такие как: честь и доблесть “славного рыцаря” – защитника православной веры, стремление к свободе (“вольная волюшка, привілля”), равенству (демократии) и правде (правое дело). Последние обусловлены тягой к личной и коллективной независимости, к внутреннему самоуправлению. “Род сей весьма хитер, проницателен и осторожен в рассуждении своих интересов, сопряженных с такою вольностью, через которую не дают они никому в оных отчета; прилежно пекутся всячески, дабы она не подвергалась законам своего отечества и власть их в оных беспредельная и неограниченная была порядком” [1, 149].

Интересными представляются и концепции о влиянии военной деятельности на развитие исторической общности запорожского казачества. Война – это всегда агрессия, оборонительная или наступательная по своему характеру, экспансия во внешний мир. Находясь постоянно в напряженном состоянии выбора между смертью и жизнью, человеку наряду с рациональным осмыслением действительности более свойственно аффективное, нередко, не координированное гипертрофированно – эмоциональное поведение, заряженное энергией идеи (пример религиозного фанатизма). И весь “жизненный порыв” по А.Бергсону, как концентрация коллективной энергии и сил, направлен в одно русло, но оно в контексте запорожского казачества носило не созидающий, а разрушающий характер – стремление к смерти, к Танатосу (казаки любили войну и чаще всего погибали именно в бою). Поэтому постоянная неустойчивость, динамический уровень хаотического беспорядка, ежеминутное ожидание непредвиденных изменений ни в коей

мере не могли способствовать стабильности, а тем более, образованию государственности, предполагающей структуру строгой упорядоченности.

Таким образом, энергетический потенциал жизни растративался в войне, а на мирное время его не оставалось. Этим и можно объяснить лень, нетребовательность, простоту и беспечность запорожского казачества вне походов. Весьма характерной чертой исторической ментальности запорожского казачества, была склонность к небольшим замкнутым общественным образованиям, группам, объединенным идеей, харизмой лидера и “семейной” структурой. “У себя на Сечи запорожцы жили дружно и мирно, как хорошая и добрая семья” [2, 30]. По отношению к братьям, товарищам казаки были благодушны, нестяжательны, щедры, бескорыстны, честны, верны, жертвенны, выказывали уважение старшим, гостеприимство к чужим; взаимопомощь, поддержка и солидарность строились на основе духовного названного побратимства. “У них был обычай побратимства, когда два казака давали друг другу в церкви обет нерушимой дружбы. Изменивший товарищу - побратиму, по их мнению, никогда не мог надеяться на получение прощения в будущей жизни. Всех гонимых укрывали в Сечи и никогда не выдавали. Никогда не допрашивали пришедшего к ним, что он за человек, а говорили: “Дайте-ка поесть казаку и чаркою водки поподчуйте: может, он издалека пришел и устал”. Потом и работу найдут. На Запорожье, никто, бывало, не смеет сказать старому человеку: “Ты даром хлеб ешь”. Всякий, приехав туда, располагался, как дома, даром пил, ел, а если кто скажет что, попрекнет, на того казаки тотчас и накинутся: “А ты вже закозакувався, сякий - такий сыну!” [3, 100].

В психологических чертах запорожского казачества веселость и непостоянство, легкомысленность нрава (чувство юмора) сочетались с лиричностью и меланхолией, предопределенными состоянием пограничья в широком смысле. Имеется ввиду и географическое влияние степи – депрессирующей бескрайности, и оторванность от семьи, от Родины. При всем активном характере коллективной деятельности для казачества

была присуща и интровертированность, стремление к личностной внутренней автономии, выраженной в понятиях Души и Судьбы (Доля), и в самом отношении к смерти. Надо сказать, что увлечение алкогольными напитками было своего рода психологической защитой в стрессовых ситуациях.

Козаче - бурлаче, дурний розум маєш,
 За що Долю лаєш, за що проклинаєш?
 Та не винна тому Доля,
 А все винна своя воля:
 Бо що заробляєш, той й те пропиваєш,
 То що загорюєш, той й те прогайнуєш [4, 361].

В отношении к смерти наиболее ярко отражается одиночество, поиск – “мандрування”, не нахождение своего места в мире из-за оторванности от семьи, никому ненужность запорожского казака.

Нехай би моя кобза знала,
 Що мене рука Християнська поховала! [7, 187].
 ...Хоча мені й не страшно на степу вмирати;
 Тільки жалко, що нікому буде поховати:
 Татарин цурається, а лях не приступить;
 Хіба яка звірюка за ногу у байрак поцупить [1, 98].

Пограничье определило и стереотипы восприятия и поведения запорожского казачества в противостоянии “мы” и “они”, мужчина – женщина (мать, семья, Родина), военная динамичная прослойка – миролюбивое консервативное крестьянство, православные – мусульмане, католики, пространство, отвоеванное, освоенное “свое” – “чужое”.

В ходе социального символического взаимодействия, связанного с функционированием образного практического наглядно-ситуативного мышления, вырабатываются конвенциональные ассоциативные символы для обозначения объектов окружающей среды, способствующие формированию

определенного типа личности с установками на выполнение социальной роли по отношению к своему коллективу и “обобщенным другим” [6, 164, 7, 220]. На уровне символических образов – архетипов коллективного бессознательного у запорожских казаков прослеживается тесная взаимосвязь с женским началом – замена реальной семьи и женщины на “Сечь – мати”, охраняющую Богородицу, православную церковь – как духовное материнство и заступничество, степь – геопространство и верных подруг – люльку, шаблю, кобзу. Сечь как и крестьянская хата, только укрепленная крепость, является замкнутым цельным изолированным пространством бытия по отношению к окружающему миру. Образы мужского начала – Кош, кошевой атаман – батько свидетельствуют о харизматичности военного руководителя и его патриархальной власти над “казаками – детьми”. Воинские качества складываются в архетипические образы воина, мудреца (мифологизированные характерники) и верного друга казака – коня. Самость выражается в понятиях Души и Судьбы, а Тень связана с прошлым, не всегда благополучным до прихода в Сечь, но присутствующим в человеческой памяти.

Таким образом, традиции общественной и индивидуальной психологии исторической общности запорожского казачества в представлении их в целостной картине мира были предопределены условиями борьбы за выживание в геоисторическом плане, военно – религиозной направленностью практической деятельности и соответствовали основным закономерностям позднесредневекового сенсотипа в активном освоении и преобразовании окружающего мира.

Литература

1. Яворницький Д.І. Історія запорозьких козаків: У 3т. / Редкол.: П.С. Сохань. – К., 1990-1991. – Т.І.
2. Кузьмин А. Запорожская Сечь. Исторический и бытовой очерк. – М., 1902.
3. Апостолов А. Запорожье, страна и народ. – Харьков, 1903.
4. Українці: народні вірування, повір'я, демонологія /Упор., прим. та біогр. нариси А.П. Пономарьова. – К., 1991.

5. Кулиш П. Записки о Южной Руси. – К., 1994.
6. Басин Е.Я., Краснов В.М. “Социальный символизм” // Вопросы философии. – 1971. – №10.
7. Тернер Дж. Структура социологической теории. – М., 1985.
8. Эварницкий Д. Жизнь запорожских казаков по рассказу современника-очевидца // Киевская старина. – 1888. – №11.
9. Ригельман А. Летописное повествование о Малой России и ее народе и казаках вообще. – М., 1847.